

Фенрир Сивый наклонился в сторону и внимательно осмотрел деревья, которые он использовал в качестве прикрытия для этой конкретной «миссии». Целью, о которой идет речь, был привлекательный маленький коттедж в Пик Дистрикт, в котором жила молодая волшебная семья.

Он предпочитал их молодым.

Он осматривал коттедж почти все утро и наблюдал, как молодая пара играла со своими двумя маленькими детьми. Ему пришло в голову, что после падения Темного Лорда люди стали самодовольными и ослабили бдительность. Сивый покачал головой, пораженный глупостью некоторых людей. Разве они не понимали, что в мире существует не одна тьма?

Он затаился со времен битвы в Хогвартсе. Ему только что удалось спасти свою жизнь после того, как его окончательно сбили мальчики Лонгботтом и Уизли; двое, которые заплатят за свою наглость — грязнокровка Грейнджер тоже заплатит. В хаосе, последовавшем за победой Поттера, ему удалось выскользнуть из замка незамеченным, и он использовал последние несколько недель, чтобы прийти в себя, зализать раны и попытаться восстановить свою стаю после огромных потерь, которые они понесли.

Ожидание закончилось. Теперь пришло время напомнить всем, насколько он опасен. На самом деле он был доволен падением Темного Лорда. Хотя он признавал, что Волдеморт предоставил ему много свежей добычи, он знал, что Темный Лорд никогда не проявлял к нему никакого уважения и считал его даже ниже, чем грязнокровки и магглы. Он когда-либо был только оружием Темного Лорда и так и не завоевал его уважение.

Все это должно было измениться. Теперь он был сам себе хозяин. Темный Лорд оставил одно наследие, которое он использовал, чтобы изменить их мир. Тот, который он использовал бы, чтобы завоевать их уважение. Оборотни скоро приползут к его стае, как только поймут, что у него есть.

Способность контролировать свою ликантропию и изменяться по своему желанию.

Хотя он мог начать атаку в любой момент за последние 4 недели, он решил дожждаться полнолуния. Это было не только потому, что он был более могущественным в то время, это просто казалось ему правильным; что его возвращение должно быть сделано должным образом. Он узнал от Темного Лорда, что страх и сила часто могут быть усилены мощными символами, а объявление о своем возвращении в полнолуние было мощным символом. Сегодня волшебный мир снова научится бояться.

С этой мыслью, утешившей его, он снова скользнул за деревья и продолжил свое бдение. Выслеживать добычу было почти так же весело, как и пожирать ее. Он облизнул губы в предвкушении.

Почти.

...

Гермиона скривилась, когда Минерва протянула ей кубок, который буквально тлел, испуская слабый голубой дым, который плохо струился. Это был седьмой раз, когда она проходила этот небольшой ритуал, принимая по одной дозе в каждый из предшествующих шести дней. Она знала, что способ употребления Волчьего зелья уникален тем, что каждый день недели, предшествующий полнолунию, нужно выпивать по кубку. К сожалению, ее знакомство с процессом не облегчило его. Сделав глубокий вдох, она зажала нос большим и указательным пальцами, запрокинула голову и быстро влила зелье в горло в тщетной надежде, что поспешность уменьшит ужасный вкус.

Не получилось и в этот раз.

Какое-то время она сидела совершенно неподвижно, вытянув руку как можно дальше, словно пытаясь отодвинуть кубок как можно дальше от себя. Затем ее тело содрогнулось от дрожи, которую она почувствовала от волос на голове до ногтей на пальцах ног.

'Фу! Это просто ужасно! Почему сахар мешает ему работать должным образом?' - возмутилась она, наконец поставив пустой кубок на стол директрисы.

Несмотря на серьезность ситуации, Минерва улыбнулась. «Вы должны считать себя счастливым! Когда я был моложе, для оборотней не существовало такой возможности; по крайней мере, ты знаешь, что есть реальная польза от приема зелья.

— Вы имеете в виду, что это должно быть очень реальной выгодой. Вы предполагаете, что это сработает.

Выражение лица Минервы потемнело от наблюдения Гермионы. — Гораций сделал все возможное — я не сомневаюсь, что этого будет достаточно. Несмотря на все свои многочисленные недостатки, он превосходный мастер зелий, и у него был доступ к записям Северуса. Я полностью верю в его способности.

Эти слова успокоили Гермиону. Ей повезло ; Волчий яд было чрезвычайно трудно приготовить, так как даже Слагхорн утверждал, что великий Дамокл не смог бы изобрести его без огромных усилий. Очень немногие мастера зелий были в состоянии успешно сварить его. Северус Снейп был одним из таких мастеров, подумала она, к своему удивлению, чувствуя больше, чем намек на печаль по этому факту. Слагхорн признался, что не варил партию в течение многих лет, но заявил, что, имея доступ к записям Северуса, он был полностью уверен, что сможет снова сварить его правильно.

Она также знала, что ей повезло просто потому, что ингредиенты, необходимые для варки зелья, были разорительно дорогими, что делало его практически невозможным для оборотней, поскольку они обычно жили в бедности из-за того, что им было трудно найти стабильную работу. Она читала в дневнике Люпина, что одной из главных причин, по которой он вернулся в школу чародейства и волшебства Хогвартс в качестве преподавателя Защиты от темных

искусств, было то, что Альбус Дамблдор предложил безграничный запас Волчьего зелья. Она поймала себя на том, что задалась вопросом, будет ли ей доступен такой вариант будущей карьеры теперь, когда Дамблдор тоже ушел. Минерва может быть заслуженной директрисой Хогвартса, но Гермиона не

Словно прочитав ее мысли, Минерва прервала ее задумчивость. — Ты уже принял решение, моя дорогая?

Гермиона покачала головой, понимая, что ей нужно больше времени. Поскольку школа все еще была закрыта на ремонт, Минерва сообщила ей о предложении разрешить всем ученикам повторно сдавать только что закончившийся учебный год. Мало того, что школа потеряла почти два месяца последнего семестра, так еще и опеки Снейпа и Кэрроу в течение предыдущих восьми месяцев почти не существовало в течение каждого года обучения в школе. Сосредоточив внимание на чистоте крови, а не на надлежащей учебной программе, никто не получил достойного образования. Приходи 1 сентября, у каждого был шанс провести год заново должным образом — если бы они захотели.

То, что это предложение было адресовано Рону, Гарри и ей самой, застало ее врасплох. Она не думала об этом и до сих пор не знала, что делать. Она также понятия не имела о том, что планировали Гарри и Рон. Шесть недель назад ее ответом было бы немедленное «ДА!» но теперь все так изменилось — она так изменилась, — что она еще не решила. Все ее прежние планы сдать ТРИТОН и рассмотреть варианты карьеры рухнули из-за событий.

«Я до сих пор не знаю, что делать. Идея привлекательна, но потом я думаю, что проведу год, когда на меня будет пялиться половина студентов. Гарри тоже будет в миллион раз хуже. После всего, что мы сделали, возвращение в школу кажется таким...

— Так нормально, — закончила за нее Минерва. — Возможно, это именно то, что вам нужно. Уверяю вас, что Хогвартс и его сотрудники будут относиться к вам точно так же, как и к любым другим ученикам, иначе я узнаю причину! Она повысила голос, когда закончила говорить, и с усилием успокоилась. — Возвращение в Хогвартс может быть именно тем, что тебе нужно, моя дорогая. Она остановилась на мгновение. — Это означает, что мы сможем управлять вашим... состоянием до тех пор, пока вы не адаптируетесь. Она грустно улыбнулась. «У нас есть определенный опыт в этих делах, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы сохранить строжайшую конфиденциальность. Я не считаю, что это чье-либо дело, кроме моего, вашего и тех, с кем вы решите поделиться информацией. Будьте уверены, никто ничего не услышит от меня.

Гермиона могла только благодарно улыбнуться. Минерва МакГонагалл оказалась скалой, на которую она могла опереться. Сегодня вечером она узнает, насколько хорошим мастером зелий был Гораций Слагхорн, и она знала, что от этого зависит многое. Если бы она могла хотя бы сохранить контроль над зверем, она знала, что ее будущая жизнь будет терпимой.

— Я подожду до вечера, — наконец ответила она. — Если зелье подействует, мне будет легче принять решение. Я дам вам знать утром.

Директриса понимающе кивнула и обнаружила, что у нее есть еще одна причина надеяться, что Гораций сможет оправдать свою репутацию.

.....

Гарри плюхнулся на кожаный диван в гостиной Гриффиндора и позволил себе легкую улыбку удовлетворения, наслаждаясь драгоценным моментом в одиночестве. Вернувшись в школу в начале недели, он активно участвовал в восстановлении разрушенного в битве замка и теперь мог видеть видимые признаки прогресса; он считал, что есть отличные шансы уложиться в срок 1 сентября.

Конечно, он внес лишь небольшой вклад в общее дело. Каждый доступный домашний эльф работал посменно круглые сутки, чтобы восстановить былое величие замка. Поскольку директриса наблюдала за всей операцией, он, Рон, Гермиона и Джинни безропотно подчинялись всем указаниям, которые давали. Работа была трудной, но приятной, так как они получали большое удовлетворение от того, что отдавали школе, которая дала им так много. Несмотря на все многочисленные опасности, с которыми он столкнулся здесь, Хогвартс был ближайшим местом, которое он мог бы назвать домом, и он чувствовал себя привилегированным, что ему была предоставлена возможность помочь. Разрушения были полными — едва ли угол замка остался нетронутым — и большая часть работы была за пределами возможностей простого ремонтника. орфографии. К счастью, сам замок, казалось, помогал им, когда это было необходимо, и он еще раз напомнил, что Хогвартс — это гораздо больше, чем просто здание. В последнее время он обнаружил, что много думает о Дамблдоре.

В Хогвартсе всегда окажут помощь тем, кто о ней попросит.

Казалось бы, старик будет продолжать удивлять его даже после смерти. Замок помогал, и он снова осознал, что все, что когда-либо говорил Дамблдор, может иметь как минимум три толкования. Это было, если бы старик все время знал, что потребуется в будущем.

Улыбаясь, он откинулся на спинку дивана, заложив руки за голову, и размышлял о прошедшей неделе. Сначала он был удивлен, когда Джинни сопровождала их, чтобы помочь с ремонтом, но потом он понял, что она, вероятно, отчаянно хотела выбраться из Норы и подальше от царившей там скорбной атмосферы. Как бы Молли и Артур ни старались изобразить храбрость, от горя, вызванного потерей Фреда, никуда не деться. Прошло меньше месяца с тех пор, как его похоронили, и он знал, что Джинни захочет отвлечься. Потеряв так много близких ему людей за свою короткую жизнь, он точно знал, что она чувствовала.

Сначала он был настороже, так как знал о неловкости, которая существовала между ними с тех пор, как он порвал отношения. Несмотря на это, он был приятно удивлен поведением Джинни; она вела себя так, как будто ничего не произошло, и их отношения вернулись к тому, что было в начале его шестого года, прежде чем он заинтересовался ею романтически. Он был доволен этим больше, чем мог выразить, поскольку дружба Джинни была чем-то, что он ценил и не хотел терять. Для него было большим облегчением, что все проблемы между ними были решены. Он поймал себя на том, что улыбается при этой мысли.

Он только хотел бы сказать то же самое о Роне и Гермионе.

Он обнаружил, что его желание улыбаться внезапно исчезло. Он не мог понять, что именно, но что-то определенно было не так между ними двумя. Во-первых, он понятия не имел, были ли они вообще предметом. Между ними не было близости; никакого физического контакта или интимных моментов. Всю неделю они вместе провели в замке и ни разу не перекинулись ни словом. Он нашел это скорее подозрительным, чем поводом для оптимизма. Если Рон и Гермиона хотя бы иногда не спорили о чем-то глупом, значит, что-то не так. Они были слишком вежливы друг с другом; их отношение друг к другу лучше всего можно описать как... правильное. Они носили манеры двух главных героев, которые только что дрались на дуэли — вежливые, вежливые, формальные, но совершенно холодные и чопорные. Хоть убей, он не мог понять, что между ними происходит, и это сводило его с ума.

В жизни Гарри было мало уверенности, но одной из них была его дружба с Гермионой. Она, без сомнения, была самым прекрасным человеком, которого он знал, и он считал себя счастливым, что она считала его одним из самых близких друзей. Она была честной, искренней, надежной, яростно преданной и любящей, и ему стало интересно, полностью ли Рон ценит то, что перед ним.

Лучше бы он.

Отношения между Роном и Гермионой теперь вызывали беспокойство. Когда он не был слишком вежлив в ее обществе, Рон становился угрюмым и раздражительным. Гермиона тоже была не безупречна; он не думал, что она была справедлива к Рону. Либо она хотела быть его девушкой, либо нет. Было несправедливо оставлять ситуацию открытой для двусмысленности, и с каждым днем становилось все менее и менее ясно, каковы были их отношения. Рон был Роном и не собирался меняться; если она не могла принять его таким, какой он есть, то для всех было бы лучше, если бы она сказала это сейчас.

Он еще не озвучивал свои опасения ни одному из них, но знал, что если ситуация не улучшится, ему нужно будет что-то сказать. Это был не тот разговор, которого он ждал. Он также знал, что ему придется подождать до вечера, прежде чем поднимать эту тему. Так много было поставлено на карту сегодня вечером — они скоро узнают, достаточно ли хороша зелье Слагхорна «Волчий яд». Если это так — если записи Снейпа были такими хорошими — тогда он не сомневался, что Гермиона скоро будет варить его сама.

Он нервничал из-за сегодняшнего вечера; он знал, как важен контроль для Гермионы. Ремус четко указал в своем дневнике, что зелье изменило его жизнь. Он только надеялся, что это произведет такое же впечатление на его самого дорогого друга. Пока ему оставалось только ждать.

....

Минерва МакГонагалл выглянула из окна того, что она теперь считала «камерой» Гермионы, и наблюдала, как последние лучи солнца медленно начали опускаться за горизонт. Она

повернулась к своей любимой ученице, понимая, что затевает авантюру. Пройдя через это уже трижды с Гермиейой, Минерва осознавала значение этой ночи. На этот раз не будет цепей — только прутья.

Это было важно, потому что, если волчье зелье не сработает, Гермияона в своей форме дикого волка в конечном итоге укусит и поцарапает себя, таковы будут ее разочарование и ее первобытная ярость. Она действительно была свидетельницей этого раньше с молодым Римусом Люпином и знала из первых рук, что этот процесс оставил как глубокие физические, так и психологические шрамы. На самом деле последнего она боялась больше всего; судя по ее обширному опыту, дольше всего исцелялся разум. Она произнесла безмолвную молитву, чтобы на этот раз этого не случилось.

'Вы готовы?' — тихо спросила она.

Гермияона только кивнула и тоже повернулась, чтобы посмотреть на угасающие угли солнца. — Готов как никогда. Вам лучше уйти.

Минерва кивнула и в последний раз проверила замок на решетке. «Я вернусь, как только выйдет луна».

'Нет! Вы не должны! Это слишком опасно. В голосе Гермиейоны был настоящий страх.

— Боюсь, что должна, — спокойно ответила Минерва. «Если вы думаете, что я жду всю ночь, чтобы узнать, работает ли это, то вы явно не так умны, как я думал». Несмотря на ситуацию, обе женщины улыбнулись этим словам. — Я просто высуну голову из-за двери, чтобы проверить — не беспокойтесь; Я не буду подходить слишком близко.

Гермияона кивнула, соглашаясь, понимая бесполезность споров с директрисой, когда она приняла решение. — Спасибо, — прошептала она.

Минерва быстро кивнула, прежде чем повернуться и выйти из комнаты, закрыла дверь и, наконец, заперла магические засовы, прежде чем прислонить голову к толстому дубовому барьеру. Минут через десять они точно узнают. Она не сомневалась, что это будут самые долгие десять минут в ее жизни.

....

Гермияона стояла в холодной камере и закуталась в одеяло, которым она накинула плечи, ища утешения, когда почти ничего нельзя было найти. Она знала о рисках, связанных с сегодняшним вечером; осознавая, что если бы Слагхорн неправильно сварила зелье, она могла бы серьезно навредить себе. Минерва предложила ей использовать цепи просто для уверенности, но Гермияона этого не хотела. Она стремилась к контролю больше всего на свете и не получила бы его, если бы была прикована к стене, даже если бы у нее был контроль над

своим разумом. Она взвесила все за и против и решила рискнуть.

Она смотрела, как первый намек на лунный свет начал проникать в окно, когда солнце наконец скрылось за горизонтом. Закрыв глаза, она сосредоточилась на своем дыхании, ожидая первого пульса; первый всплеск, который был предвестником ее изменения. Такова была ее концентрация, что она чуть не промахнулась, как и в свое первое превращение. Она осознала всплеск внутри себя, почти приветствуя его, поскольку знала, что на ее вопросы скоро будут даны ответы.

Она внезапно покачнулась и упала на колени, когда ее тело яростно сотрясилось. Она чувствовала себя так же, как и раньше, и она испытала ту же неспособность контролировать свои движения, когда боль снова пронзила все ее тело. Она стиснула зубы, решив не кричать, когда испытала знакомое ощущение растяжения, когда ее мышцы и сухожилия были напряжены до предела. Она почувствовала, что скалит зубы, и бесстрастно наблюдала, как ее ногти расширяются и превращаются в когти. Она испытала внезапный, последний всплеск мучительной боли и закрыла глаза, поскольку паника угрожала захлестнуть ее.

Потом все прекратилось. Долгая тишина растянулась, казалось, на вечность, пока фигура волка на полу глубоко дышала.

Затем Гермiona Грейнджер открыла глаза и огляделась. Она медленно встала, потратив несколько секунд, чтобы удержать равновесие. Она вытянула руки, переворачивая их, когда ее глаза всматривались в каждый дюйм меха, ее глаза расширились от изумления, когда она увидела свои острые как бритва когти. Потребовалось несколько мгновений, чтобы смысл этого дошел до сознания; чтобы наконец пришло осознание.

Я - это я! Я в курсе!

Если бы не ограничения ее собачьей челюсти, она бы улыбнулась.

....

Минерва МакГонагалл распечатала волшебные засовы на двери, осторожно приоткрыла ее и неуверенно осмотрела толстые дубовые доски. Она старалась не подходить к железным прутьям на другом конце комнаты, пока не была уверена. Ее глазам потребовалось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к отсутствию света в комнате, но как только они это сделали, она заметила более темную фигуру в дальнем углу. На самом деле это выглядело как мешок с углем, который небрежно бросили, но когда она сделала шаг в комнату, там произошло внезапное движение, и Минерва заметила пару пронзительных карих глаз, которые спокойно смотрели на нее. Осмелившись надеяться, она подошла ближе.

— Гермiona?

В ответ «шишка» в углу зашевелилась и потянулась, и вдруг перед директрисой оказался

оборотень в натуральную величину. Несмотря на расстояние между ними и железной решеткой — не говоря уже о прежнем чувстве надежды — она невольно сделала шаг назад. Затем оборотень впереди осторожно прошлепал по камере и подобрал одеяло, прежде чем накинуть его на плечи. Затем он снова лег, свернувшись калачиком и закрыв глаза, как будто спал.

Минерва поймала себя на том, что тихо плачет, когда осознала значение того, чему была свидетельницей.

«О, Гермиона; Я так рад за вас. Я пойду и скажу Гарри и Рону, что это сработало! Они будут на иголках!

С этими словами она выбежала из комнаты, закрыла за собой дверь и помчалась распространять благую весть.

По другую сторону двери Гермиона закрыла глаза и позволила себе погрузиться в спокойный сон.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539880>